

Александр Юрьевич Тараков родился 30 апреля 1961 года в городе Чигирине Черкасской области. С детства живет в Казахстане. В 1983 году окончил факультет журналистики КазГУ, в 1993 году – отделение политологии КИМЭП. С 1983 года работал в редакциях газет и журналов «Ленинская смена», «Арай – Заря», «Сухбат» – «Позиция», «Аз и Я».

С 1994 года – в «Казахстанской правде». В настоящее время – заместитель председателя правления АО «Республиканская газета «Казахстанская правда».

Член Союза писателей РК, автор книг «Век журавля», «Затмение под солнцем», «Тerra terrариум», «Притяжение целины», «До и после миллениума», «О земле, земном и земляках», «Зарубки црокеза». Лауреат Президентской премии 2002 года в области СМИ и премии Союза журналистов Казахстана.

Александр Тараков

ДЕД КИРИЛЛ ИЗ ПЛЕМЕНИ БЕЗУМЦЕВ

*Если б завтра Земли нашей путь
Осветить наше Солнце забыло –
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь!*

П.Ж. Беранже

Крайне необходимое вступление, наводящее на мысль,
что имидж имиджу рознь

Живет не в селе, не в городе, скажем так: в частном секторе чудак-человек. Давно уж борода его седа, стариковская сутулость все приметней (семьдесят как-никак), но житейской логике вопреки к покою не склоняется и продолжает диковинными странностями будоражить общественное мнение, предпочитает оставаться притчей во языцех.

Одни из окружающих сравнивают его с храбрым портняжкой, язвят по поводу беспрецедентной войны с мухами; другие называют мусорщиком; третьи слышали, что развел уйму кроликов и грозитя целый Гурьев прокормить и «шапками закидать»; четвертые тоже усмеваются: открыл дед на дому зоопарк, только орлов с десятков держит, – на мух, знать, натаскивает. И пятым найдется чего пикантного добавить. И десятым. Известно, слухами земля полнится...

Но мало кто отзовется о старике-«неформале» уважительно. Даже представитель нежалуемой моралью профессии – собачатник (не путать с собачником и кинологом), сбывающий ему порой за рубли-трешки убиенных бедолаг, выскажется как о ненормальном. Браконьер, и тот осудит – процедит сквозь зубы: «Воблушкин защитничек».

Вот такой, как теперь говорят, имидж.

Принимаете всерьез, одобряете?

Я и рад, что вы в недоумении, и охотно, с величайшим удовольствием расскажу о вдохновенных чудачествах деда Кирилла – Кирилла Игнатьевича Шпака. Читайте, удивляйтесь, завидуйте. Идеи и поступки этого неумемного выдумщика достойны вашего расположения.

Главка, которая сама собой возникла,
сложилась у калитки, во дворе

Лично меня гурьевский феномен потряс еще до встречи. О нет, не сногсшибательные слухи тому виной или заслугой, вовсе нет. Просто я, дожидаясь у калитки хозяина, подсмотрел в его «латифундии» такое...

Пугало огородное вдруг встрепенулось, и я легко признал в нем здешнего царя небесного... беркута. Правда, в следующее мгновение чуть было не усомнился: к беркуту на его дощатое тронное возвышение взлетела беспардонная (другого слова не подберу!) кряква, надумавшая всего-навсего потереться о ноги птичьего бога. Хотите верьте, хотите нет, но грозный хищник нахалку не тронул и продолжал оставаться горделиво-насупленным. Не раздражали его также шавки и мурки всех мастей и шерстей, что вольготно шныряли по усадьбе. Четвероногие, в свою очередь, не задевали ни кур, ни великолепного селезня – кавалера бесшабашной уточки.

Вот это и потрясло – равная готовность как «дикарей», так и «холопьев домашних» жить в мире и согласии. И это при том, что в обычной обстановке даже старинные приятели кошки и собаки – до сих пор не могут поладить.

Разумеется, это было не колдовство. Но это было чудо.

И чудо это подсказало мне, как действовать. Я улыбнулся телячьих размеров барбосу, что тыкался мордой в калитку и при сем не рычал, чем смущал меня особенно; я улыбнулся этому добродушнейшему созданию и уверенно прошествовал во двор. Голосистые дворняжки, казавшиеся минуты назад сварливыми, приплясывали на задних лапках в надежде на подачку или ласку.

Тут только я понял, почему хозяин не откликнулся на возню у калитки. Он знал, что его питомцы не способны кого-либо обидеть, и спокойно занимался своими делами.

Завидев гостя, Кирилл Игнатьевич поправил «профессорский» берет и двинулся навстречу, неся впереди крупные набрякшие руки, приговаривая:

– Зверушки у меня незлобивые. В миру росли. В миру ссориться ни к чему.

Представив себя на его месте, ужаснулся:

– Не хлопотно с такой оравой?

– Как же? Нелегко. Так ведь они хворые да сырые. Без меня пропадут. Вот Ор, слепой орел, разве долго протянул бы?

– А он у вас, говорят, не в единственном числе...

Дед Кирилл оживился:

– Точно. Есть еще брачная пара. Вот-вот потомство на свет произведут.

Здесь уж я не смог скрыть иронии:

– Положим, собак да кошек развести не проблема. А откуда орлы берутся? Да и зачем они?

Дед Кирилл развел руками:

– Так, значит, повелось. Несут мне люди добрые всякую калечь. Поставлю на ноги, на крыло – отпускаю. Одних уток фауне вернул, поди, не меньше сотни. Ну а инвалидов, что самостоятельно существовать уже не смогут, оставляю.

– Это же прокорма сколько надо! – невольно вырвалось у меня.

– Ухищряюсь. С велосипеда не слажу. Бывает, на мясокомбинате требухой нагружусь, когда в каком продмаге тухлятина заведется – по дешевке скупаю. И им выгодно, и мне. Отходы пивзавода использую. Где и падаль подберу... Этим хищников и насекомых потчую. О курах, кроликах – разговор особый. Любопытные имею соображения насчет их рациона, – и потянул в дом поведать о сакраментальном.

Заметки о жизни и поступках
нашего героя до поиска Америк

— Лет в сорок на меня озарение нашло, — начал дед Кирилл, и с этой минуты я перестал быть интервьюером, сделавшись замороженным слушателем.

— Огляделся я на мир, — неспешно продолжал между тем рассказчик, — и ужасное НЕСООТВЕТСТВИЕ МЕЖДУ ИДЕЕЙ СОВЕРШЕНСТВА И ОБЫДЕННОСТЬЮ обнаружил...

Впервые о несоответствии, может быть, тогда подумал, когда недоучившемуся геологу пришлось в одночасье становиться сапером, специалистом по рукотворным ископаемым. Ту полугодовую «переквалификацию» до сих пор вспоминает с содроганием. «Ковыряться» приходилось в мерзлом северном грунте под хлестким огнем финнов. Да ко всему прочему трещали такие морозы, дули такие колючие ветра, какие ему в родной Грузии даже в страшных снах не снились, каких и в Москве не знал. Через эти холода Кирилл Шпак пошел однажды на кощунственное несоответствие: в занятом в ходе боев доме пустил на растопку малютку скрипку. Одно оправдание — без струн она была. Только какое это оправдание, если он скрипач? И еще одно тяжкое несоответствие выпало ему на фронте — ранение. В самую силу входил молодой организм — и вдруг получил удар сокрушительной разрушающей мощи.

— Ты уж меня извини, что отвлекаюсь, — попросил не втискивать в рамки темы дед Кирилл.

Прошу и тебя, читатель, о том же. Мы с героем вовсе не уходим от делового разговора, нам есть о чем сказать. Но нам важно, чтобы ты не усмехнулся, закрыв журнал, а задумался, поверив человеку с профилем Льва Толстого (правда, у Кирилла Шпака не столь ярко выражены надбровные дуги и нет усов) и азартом мальчишки, вошедшего во вкус новой игры. Вот почему рассказ о прошлом нашего чудака — никакое не отступление от темы. Именно. Если разобраться, свои головокружительные идеи Шпак готовил не в одиночку, а в соавторстве с судьбой, не сразу, не вдруг — логикой дел и поступков.

Неожиданно волею наркома обороны геолог получил возможность совершенствоваться в избранном деле: как студент старшего курса в январе 42-го года он был демобилизован.

Но... Организм после ранения был настолько ослаблен, что долго парень не продержался и слег, больной туберкулезом.

От туберкулеза вылечили не врачи, а братья-студенты. Недоедали, да что там — голодали! — делясь скудными пайками с большим. А один паренек, родом из Грузии, ради земляка исходил все поля недавних сражений в окрестностях Москвы — искал в воронках останки собак-подрывниц. Оттого Шпак собака, спасительница своих, почитает безмерно, со двора никогда не гонит.

А в отношении спасителей однажды слукавил. Ребята готовили выпускной вечер и, чтобы совсем уж поразить девушек, надумали из экспонатов — бог весть сколько пылившихся колосьев — намолотить зерен для праздничной каши. В удобоваримости этой каши, однако, крепко сомневались. Поэтому решили блюдо продегустировать. На случай отравления смельчака купили в складчину литр кислого молока. Ну так вот, откушал наш «агнец» каши, потом искусно инсценировал колики, принял «спасительное» молоко да тут же на глазах одуроченной публики «воскрес» и покаялся.

Мог, наверное, дед Кирилл опустить этот эпизод? Мог. Но не опустил. Ни этот, ни тот, со скрипкой. Со скрипкой (так он потом объяснял) — потому, что то была трагедия, душевная травма, с кашей — потому, что там никакой трагедии не было. Хронически голодали люди и тем не менее рабами продовольствия не станови-

лись. Дед Кирилл тогда не по жадности – по глупости лет молодых слопал все молоко, а товарищи дикую эту выходку расценили как шикарный розыгрыш.

Товарищи... Их бы всех поименно вспомнить. Да мало имена не знающим их скажут. А вот всемирно знаменитого Арутюна Акопяна как не назвать! Четыре года в одной комнате жили, общее хозяйство вели.

И вот учеба позади. Выпускник Московского института землеустройства приезжает по распределению в Казахстан.

Начинает геодезистом, позже становится начальником партии, а с 52-го в течение нескольких лет возглавляет Мангышлакскую экспедицию.

– Около тысячи человек было под началом, вертолеты, теплоход. От Арала до Каспия простиралась моя епархия!

Но больше гордится не былыми полномочиями, а деревьями, что посадил, огородами, что заложил на полуострове, разведанными месторождениями.

– При любопытных обстоятельствах обнаружили Уланские запасы воды, – во все его лицо – улыбка. – Из министерства поступило сообщение в духе тех времен, что до выполнения плана не хватает 130 метров проходки. Так, думаю, где же бурить? Гляжу, лужа на солнышке поблескивает. Вот рядом с лужей и установили буровую. Вскоре ожидал сюрприз. Возвращаюсь как-то из степи к месту работ и слышу будто шум водопада. Подъезжаю ближе – точно. Небо зоревое – синева белесая и на этом фоне – огромный, метров в двадцать пять, опрокинутый прозрачный бокал, такой силищи хлещет фонтан. А буровая на боку. С трудом укротили водицу, поставив задвижку. После в сторонке на 75 метрах тоже воду подсекли. И ожила местность. Поселок разбили, землю распахали, овощи, деревья посадили. Небольшое понижение, что пополняли водой, превратилось в настоящее озеро. Камышом (откуда он взялся?) поросло, утками заселилось.

Позднее в связи с обустройством края, требовавшим леса и прочих стройматериалов, изобретательный молодой руководитель совершил дерзновенный, вошедший в историю Мангышлака поступок. Благодаря природной сметливости и крепости нервной системы Шпак в несколько раз удешевил транспортные расходы, доставив грузы водным путем.

Трудность заключалась в следующем: к тому времени, а это была середина пятидесятых, еще не имелось подробной лоции мангышлакского побережья, и суда к полуострову не причаливали. Он решил пусть и не причаливать, но доставлять грузы морем. Человек наблюдательный, заметил, что при любом ветре Каспий выплескивает на берег плавучие предметы. Сумел догадаться, что существует постоянное течение. Течение-то и задумал использовать в своих целях.

В общем, загрузил в Астрахани транспорт, а до этого Василия Лисниенко, капитана, как мог, в безопасности предприятия убедил.

– Стали подходить, вижу: капитан хмурый. Ну, тогда я ему с пафосом: «Вася! Твой звездный час приближается! Давай-ка с форсом, скажи «право на борт!» или как там полагается и километров несколько вдоль берега под овацией!» Уверовал капитан. Как просил я, так и сделал. Увидел нас поселок – все как один встречать высypали. Да-а, – покачал головой дед Кирилл, словно чему-то удивляясь. – А радоваться-то рано было. На якорь стали километрах в пяти от суши. Еще бревна надо было в пачки связывать, спускать на воду, плот формировать, потом грузить на него все остальное, тащить этот деревянный остров к берегу. А островок нештучный получился – на полную морскую милю протянулся. Так что я не особенно удивился, когда трос лопнул. Завел пластиночку «Голубку» и кукую на бревнах – жду, когда моя «теория» сработает, к берегу прибьет, и всякое думаю. О том, какой кары заслуживаю в случае чего, о том, как бы моя Зоя Федоровна не переревновалась, она как раз первенцем тяжела была. И сработала «теория», медленно, – всю ночь на плоту провел, – но верно. Зато уж как себя зауважал, что не сдрейфил, пошел на риск. Хотя, вот такая языковая тонкость: корень «дрейф» в

данном случае несет двойкий смысл, ведь я, так сказать, не дрейфя дрейфовал. Н-да, в те годы обо мне на Мангышлаке легенды ходили.

...Вот так это было. До открытия своих больших и малых америк Кирилл Игнатьевич Шпак открывал... себя.

И, кажется, говоря его словами, уже вполне уверовал в свое большое предназначение, в свою счастливую звезду.

Но с тропы первопроходца в зените славы и во цвете лет сошел.

– Зоя Федоровна моя стала недужить, да и детишки малые были. Пришлось сменить климатические и бытовые условия. Да так и осели в Гурьеве.

И, усмехнувшись, дед Кирилл добавил:

– Поболтался немного в поисках работы, но ничего по душе не нашел. Тогда заявился на ближнее к дому предприятие – кирпичный завод и из озорства – характер испытать – устроился рядовым рабочим. В сорок лет, по сути, начал сначала.

Дед Кирилл выходит на стезю изобретателя, или Первые озарения

Недаром говорится: по одежке встречают. Посмотрели, полагаю, на Шпака: что за поповские причиндалы? Не стар мужик, а бородаща до пояса! И тотчас определили: летун. Поскольку степенные папаши о такую пору должны быть при солидном, прочном деле. В биографиях особо не разбирались по той простой причине, что не то что примерных и образцовых, но и непутевых затянуть на завод было трудно. Как новичка определили бородача в «чистильщики». В задачу входило отбивать от стен топок спекшиеся напльвы. Для этого, во-первых, требовалась выносливость молотобойца, а во-вторых – повышенная жаростойкость.

И не плюнул на такое дело, не махнул рукой.

– Очень уж много погрешностей в технологии и организации работ увидел – захватила меня задорная идея усовершенствовать производство.

Например, подносили к печи по два-три кирпичика – куда годятся такие темпы? Поломал как следует голову – и озарило упряма. Потом над приспособлением корпел. Но в конце концов сделал так, что стали в печь подаваться партии в 15 кирпичей.

На этом не остановился – со временем «запряг» на садке башенный кран. Специальную клеть емкостью в 300 кирпичей смонтировал.

Это что? Возможности самой печи удвоил. В результате целой серии усовершенствований довел рабочую загрузку до 50 тысяч штук. Изменил процедуру обжига, подачи огня. Настоящую технологическую революцию осуществил чужак-человек.

Но, невзирая на рекордные достижения, гигантоманией не заболел и считает, что **ОСНОВОЙ КИРПИЧНОГО ДЕЛА ДОЛЖНЫ БЫТЬ КОМПАКТНЫЕ МАЛЕНЬКИЕ ЗАВОДЫ**, какие можно без больших затрат создавать повсеместно. И вот какой довод выдвигает первым:

– Такие величины, как Новосибирский завод (выпускает 80 миллионов штук кирпича), выгребая сырье, лунные ландшафты создают. «Мальши» потребляют умеренней и равномерней, вред природе от них не столь катастрофичен.

Да и что такое глина? Это та же земля. Щадить ее надо, по возможности заменять. Чем?

– Да мало ли чем?! – удивленно-возмущенно отвечает дед Кирилл. – Для невысоких строений и гипсовый камень сгодится. К западу от Гурьева запасы его богатейшие. На 160 метров залегает глыба.

И тут же приводит аргументы:

– Для производства кирпича нужна температура в тысячу градусов, для гипсоблоков и двухсот достаточно. Нагрел камень, размолот, смешал с водой –

штампуй блоки. Кстати, изобрел собственную технологию их выпуска. В расчете на 70 тысяч штук в год. Легко внедряма на селе. Селу еще и вот почему полезна: получаемая в процессе производства мука есть не что иное, как сернокислый кальций – отличный известкователь почв.

Вероятно, гипсовый камень заинтересует деловых людей. Воспользовались же предприимчивые хозяйственники его технологией разжижения парафинистого мазута.

Истории с этим изобретением тоже следует коснуться. Большой нервотрепки стоило оно автору и принесло в основном разочарования. Когда завод солярки и дорогостоящего моторного топлива перевели на парафинистый мазут, возник целый ряд проблем. Прежде всего требовалась круглосуточная работа котельной (чтобы мазут не застывал). И трубы вызывали тревогу (трубы ведь имеют обыкновение в холода промерзать). А ну как загустеет в них горячее? – это же грозит демонтажом, длительным простоем. Значит, устанавливать по ходу труб печи, по аналогии с нефтепроводами? А где взять печи или из чего их сделать?

Все проблемы до гениальности простой догадкой – протянуть по трубе электропровод – снял Шпак. «Обкатали» идею на макете – и получили блестящий результат. Электропровод исправно поддерживал нормальное состояние горячего, а при соответствующем напряжении легко разжижал загустевшую массу.

Теперь представьте вероятный эффект в масштабах нефтепровода – той же трубы, но гораздо большего диаметра, если отпадает нужда в десятках энергоемких печей, а значит, и в обслуживающем персонале, который содержать и хлопотно, и накладно.

Впрочем, куда там до нефтепроводов – у себя на заводе внедряли новшество со скрипом. Шибко привередничала, перестраховываясь, энергоинспекция. 15 (пятнадцать лет!) не давала «добро». 15 лет успешной эксплуатации провода.

В продолжение этого времени Кирилл Игнатьевич неоднократно интересовался насчет причитающегося материального вознаграждения. Сначала откладывали вопрос, а потом, по истечении эпохального срока, огорошили: «Невозможно исчислить экономический эффект. И в прошлом году так было, и в позапрошлом, – не с чем сравнивать».

Устройство Шпака давным-давно используется в цехах пригородных совхозов, то есть приносит пользу многим людям. Но только не автору. Обидно.

– Это же непросто вымучить, выжать из себя свежую мысль, это же ой-ой-ой как потрудиться надо!

Его добросовестность признали, назначив за трудовые доблести начальником цеха, а творческий дар по достоинству, увы, не оценили. Поэтому дед Кирилл в высказываниях подчас категоричен:

– Боюсь, и вынашиваемое сейчас постигнет та же участь.

Он порылся в бумагах и достал конверт с логотипом журнала «Кролиководство и звероводство».

– Вот, прочел статью о передовом опыте. Кое-что показалось сомнительным. Не поленился, сел за расчеты. И выяснилось, что передовики понесут убытки. Написал о своих соображениях в журнал. Теперь слушай, что мне ответили: «Наверное, вряд ли будет правильным затевать полемику относительно большей или меньшей эффективности общественного кролиководства. Целесообразней, на наш взгляд, поговорить о путях достижения максимальных результатов в подсобных хозяйствах». Витиевато, но в общем-то доходчиво. Плюрализм плюрализмом, а лучше-ка, дядя, не докучай.

– Ранит такое отношение. В мире столько несовершенства, что рановато нам становиться скептиками. Этак всякую охоту думать друг у друга отобьем. И отбили. У тысяч пытливых и пылких, веривших в чудо.

Но только не у деда Кирилла. Он, как и прежде, обуреваем идеями. Даже

в большей степени, чем когда-либо, поскольку вышел на пенсию и стал богаче временем.

«Пенсионное пособие» чудака-человека сельскому хозяйству, биологии, почвоведению, прочим отраслям и наукам заслуживает самого пристального изучения, а может быть, и обобщения. Вот лишь несколько его оригинальных решений.

Глава, представляющая собой конспект для любознательных хозяев

Гениальный кролик

Наконец-то мы вернулись к своим кроликам, и дед Кирилл принялся излагать продовольственную концепцию активного пенсионера.

– Во-первых, – безапелляционно заявил он, – считаю, что человек имеет право употреблять в пищу только то, что самолично вырастил. Все ружья надо или отобрать, или хранить в пирамидах, под замком. А то ведь что получается? Войска сокращаем, есть все для того предпосылки и условия, а народ все более вооружается. У нас, на окраине, бывает, такая пальба стоит, что жуть и оторопь берет. Нет, бить дикого зверя, хоть по лицензиям, хоть как, – преступно. Вся эта охота не от удали – от бессилия человеческого. Как могу, борюсь с губительной жестокостью.

Уместно подчеркнуть: борется не на словах, как у нас водится, – на деле. Взять, к примеру, его кампанию в защиту уральской рыбы. Написал Кирилл Игнатьевич обращение в областную газету, в котором предложил ограничить дни лова. Развернулась целая дискуссия. Результат ее таков: два дня в неделю рыбаков на реке не увидишь. Тем самым сберегается значительная часть рыбных запасов.

– Ну так вот, – продолжил дед Кирилл, – надо НЕ УНИЧТОЖАТЬ, А ВЫРАЩИВАТЬ И ВОСПРОИЗВОДИТЬ. И прежде всего КРОЛИКА. Овца для наших мест выгодна, еще выгоднее верблюд. А кролик ест даже то, от чего верблюд морду воротит. Те же ЛИСТЬЯ. Сено, хлеб бросает – трескает листья.

– Какие листья? – не понял я сразу.

– Обыкновенные палье листья, которых по осени под деревьями, в карманах и затишках видимо-невидимо. Сгребай и пускай в дело. Между прочим, слышал, небось, чем косари хвалятся: «А я листовяного сена заготовил!» ЛИСТЬЯ ВЕДЬ В ПРИНЦИПЕ ТО ЖЕ СЕНО.

Признаться, я опешил: зачем тогда их сжигают, вывозят на свалки и всячески губят? – это же расточительство!

– Вот-вот! – обрадовался моей реакции дед Кирилл. – Представляешь, сколько листвы по городам и весям можно заготовливать? Миллионы тонн дарового корма! Брикетируй, перевозки, распределяй.

Поднял «назидательный» палец:

– Разумеется, не так прост кролик, чтобы обходиться сплошной сухомыткой. Ну так обогащай продукт. Комбикормом, другими добавками. Я так специальную массу замешиваю. Беру листья, сено, солому – что под рукой, добавляю концентратов, черствого хлеба, немного жиров, заквашиваю все это в растворе, что получаю от брожения дрожжевого грибка, и леплю «булки». Корм получается питательный и, что немаловажно, – ПЛАСТИЧЕСКИЙ. Не крошится, не рассыпается, долго не усыхает. Оставил несколько «булок» – можно к кроликам две недели не заглядывать. Что не съедено – во второй замес пустить.

– Хорошо. Но им все эти две недели будет требоваться вода...

– А трубу подвести к канавке и пустить проточную воду. К зиме трубу, чтобы не промерзала, обложить навозом, – легко снял мое возражение дед Кирилл и приподнято сказал: – Хочу бросить вызов и соревноваться с кроли-

ководами-любителями. Каждый, кто в состоянии и имеет для этого возможности, должен произвести для себя мясной минимум. Школьников задействовать, воинские части, а особенно дачников и пенсионеров. Людей надо убеждать, чтобы они НЕ ТОЛЬКО ТЫКВУ ВЫРАЩИВАЛИ, НО И МЯСО ПРОИЗВОДИЛИ на своих участках, не жгли траву, за огород не выбрасывали – скармливали. Премии установить для самых активных сдаччиков вплоть до автомобилей, другие стимулы подключить, в общем, как можно больше потребителей сагитировать делать мясо.

Дед Кирилл помедлил.

– Но для этого следует снизить цену на комбикорм до 10 копеек за килограмм, как в совхозах. За 18 копеек «частнику» его покупать невыгодно. Хочу написать об этом «нюансе» в правительство. Чем компенсировать? Надо посоветоваться с народом. Я бы, например, не возражал против удорожания хлеба.

Тут я вновь попробовал не согласиться.

– Пойдем! – «повлек к ответу» дед Кирилл.

– Гляди! – откинул полог с внушительной емкости.

Я посмотрел и ахнул: емкость доверху была заполнена кусочками хлеба, булочек, пирожков, пирожных.

– Здесь примерно полторы тонны. За три рубля мешок у водителя саночки скупаю. Так что бережливими еще не стали. Дешево, выходит, хлебушко достается.

Что мне было на это возразить?

– А будет 10 копеек – многие скот заведут. Кроликов так уж точно, – и дед Кирилл окунулся в родную стихию.

– Достаточно хозяину крола и крольчиху купить – в первый же год заготовит полцентнера мяса. Мало, скажешь? А в масштабах страны?

И уверенно вывел:

– Да кролик, если всерьез заняться, может четверть необходимого мяса дать и миллионы шапок. Тварь неприхотливая, всеядная. Размножается – паразитично резво. Помнишь, что в Австралии было?

Об Австралии, оказалось, вспомнил неспроста. Хочет наш натуралист применить для длинноухого тамошнюю модель, то есть создать условия, приближенные к естественным, предоставить зверьку относительную свободу перемещений.

Видел я его крольчатник – огороженную ветхим забором площадку под навесом. Со сложной системой подземных коммуникаций, а попросту – нор, с нишами и иными удобствами. Кролики здесь себя чувствуют совсем неплохо, хотя – дремлют в норах, появилось желание прогуляться или перекусить – покидают укрытия. Мальшам грозные враги – крысы – не страшны, потому что на территории «кроличьей республики» постоянно несут сторожевую службу две кошки.

Это – всего лишь опытный, на взгляд деда Кирилла, далеко не совершенный вариант воплощения идеи, ведь пользовался подручным материалом. Стеснен территориально.

Недавно же к великой радости естествоиспытателя появилась возможность развернуться пошире: его метод рекомендован к внедрению в трех хозяйствах области.

Окрыленный поддержкой (только теперь-то начинают признавать полезность его изысканий), Кирилл Игнатьевич проникает все глубже в суть проблемы. И «естественные условия», к примеру, намеревается создавать действительно в естественных условиях – вдали от поселков, на отгонах, где больше жизненного пространства. Предусматривает сегчатую ограду, а вокруг нее – деревянную, чтобы по коридору ходили псы, отделение для докармливания, на каждые два гарема по отсаднику. Фантазирует о так называемом ВЕЧНОМ ЛУГЕ – системе посадок, которая должна стать основой кормовой базы кроличьих колоний (чтобы завозить кормов как можно меньше).

Таковы достижения и замыслы Шпака-кроликовода. Но все тот же разно-сторонний Шпак претендует еще и на лавры энтомолога.

Да сгинет и да здравствует муха

– За мухой я 15 лет охотился, – начал неторопливо очередной рассказ дед Кирилл. – Допекла. Город-то развивающийся, сплошь и рядом примитивные туалеты – мушиные инкубаторы, до свалки километров десять, а то и меньше. Оттого и плодится муха в неимоверных количествах. А мы не боремся с заразой – отмахиваемся от нее хлопалками да марлей на форточках. Вот и процветает всюду антисанитария. Как знать, может, от болезней века народ поменее, чем от мух, мрет.

– И вот ведь что презабавно! – дед Кирилл перешел на интонацию едкой насмешки. – С какой стати занимаюсь этим я? Вон противочумная станция рядом, шагов двадцать до нее. Так противочумка не только ее величество муху не замечает, но и ту помойку, что устроили граждане посреди жилого массива. С мухой я, выходит, сражаюсь поневоле. Иначе и меня, и всю мою живность заест.

И уже спокойней продолжил:

– Сначала яды изобретал. Но этот путь малоэффективен. Отравительства больше не придерживаюсь. И не с мухой как таковой борюсь, а с ее ПОТОМСТВОМ. Задача на сообразительность. Если за четыре присеста муха откладывает 600 яицек, то проще уничтожить яички или саму продолжательницу мушиного рода?

Я, конечно же, брякнул, что с мухой расквитаться легче – яички-то поди разгляди.

Но, оказалось, ничего разглядывать и не надо, достаточно только яички эти в кучу собрать (?!).

Как, вы еще не перестали удивляться сообразительности и находчивости деда-всеведа? Тогда повторите его эксперимент – заготовьте для назойливых насекомых «аппетитную» приманку (гниющее, разлагающееся мясо) – враз все окрестные мухи слетятся. Впрочем, дед Кирилл обо всем этом рассказывает гораздо увлекательней.

– Приглашаю мух на обильный стол, а они в благодарность несут мне яйца. В качестве «стола» можно использовать хотя бы таз. Насыпать немного земли (личинки, как правило, уходят в почву), сверху разложить приманку. Через двое суток здесь будет кипящая золотистая масса. Запускай птицу! Суточные цыплята (видимо, закодировано), и те с жадностью набрасываются. На мушках, между прочим, в прошлом году сотню бройлеров вырастил. И ни один не издох, богатырская, предполагаю, пища. А стоит в тазу дырочку проделать, зашевелится – начинают на нее ориентироваться. Подставляй емкость – градом посыплются. Я таким образом 200 килограммов засолил – во сколько их роду-племени перевел! – и обобщил: – Теперь представь, что будет, если такие «ловушки», а изготовить их проще простого, установить возле мусорных ящиков, воробьям и воронам на потеху. Этак, из года в год теряя львиную долю потомства, муха довольно скоро сложит свои полномочия.

После этих слов дед Кирилл сделал оговорку:

– Заметь, подразумеваю только черную муху, а распространенные у нас люцилия, саркофага, зеленая человеку вреда не приносят. Напротив, выполняют функции санитаров, выеда падаль.

А вскоре защищал зловредную черную:

– Однако, думаю, искоренять ее не рачительно. Почему бы по подобию птицефабрик и им в подкрепу МУШИНЫЕ ФАБРИКИ не создать? Хоть на курином помете разводить. Будет птица крепкой, жизнестойкой. Еще мух в меди-

цинских целях использую. Натолку в ступе и рану, порез смазываю. Заживает моментально. Как у человека, так и у кролика. Помяни мое слово, муха, придет пора, озолотит человечество.

...Такого оптимиста я еще не встречал. Он воистину готов из мухи вырастить слона. Это я не шучу, а всерьез переиначиваю поговорку.

Рукотворный гумус

Все больше тревожит людей плодородие почв. Некогда благодатные оазисы отбирает у крестьян пустыня, падает урожайность истощенных полей. А потребность в продовольствии все возрастает. Одним словом, перспективы землепользования радужными не назовешь. Что же сделать, дабы земля не скудела?

На этот вопрос отвечают тысячи исследовательских институтов и лабораторий планеты. И – Кирилл Игнатьевич Шпак. Своим особым эмпирически-экспериментальным путем.

Главная особенность его отважного самостоятельного поиска заключается в том, что из общего природного процесса Шпак не вычленяет ни единого явления и во всем старается увидеть взаимосвязи. Рассмотрим ту же личинку мухи. На этакой малютке зиждется несколько его теорий: теория безотходного птицеводства, теория «муховодства», теория создания гумуса. Кому как не личинке, не червячку перерабатывать, пропускать через себя частички навоза, омертвевшие ткани животных. Само собой, и дождевому червю немалая роль отводится, и кролику, перерабатывающему лист, увы, и бездомному псу, отстрелянному бригадой и купленному за рубль или за трешку, в зависимости от размеров и качества шкуры. Жестоко? Ничего не скажешь, жестоко.

– А не жестоко, – не оправдывается – наступает дед Кирилл, – вышвыривать собачонку, как подрастет, во двор, потом устраивать на несчастных тварей облавы? Не жестоко их сотнями бить и – в ямы? Так пусть же они, безвинные жертвы, хоть шапками (у меня за последние годы до двухсот выделанных шкур скопилось – не принимали), хоть гния для того же гумуса, пользу приносят. Все не бессмысленная кончина.

Бытовой мусор, которого по стране «пропадает» 300 миллионов тонн, тоже предлагает пускать в дело:

– Там же уйма питательных веществ. Надо делать компост. Для этого при крупных свалках держать перерабатывающие заводики. Компост вывозить на поля, смешивать с истощившейся почвой. Глядишь, через пять лет плодородие и восстановится.

У себя на участке желаемого результата добивается куда быстрее – ЗА ПОЛТОРА-ДВА МЕСЯЦА ПОЛУЧАЕТ ПРЕВОСХОДНЫЙ ГУМУС. Правда, чересчур жирный. Помидорные кусты на первых порах перли до двух-трех метров в высоту – на ботву много питания уходило. Догадался смешивать с обычной землей – плоды пошли сочные, витаминные.

Пепси меркнет перед биоколой

Угощал обедом дед Кирилл – и тут умудрился поразить. Принес жбан с каким-то раствором, размешал в нем полторы столовые ложки малинового варенья – предложил попробовать.

Я отхлебнул и нашел напиток приятным.

– Ну а скажи мне, хуже песи-колы?

– Да вроде как не хуже.

– То-то же. Я этот напиток называю ВЕЧНЫМ КВАСОМ, или БИОКОЛОЙ, – похвалился дед Кирилл и не преминул сделать экскурс в историю биоколы.

– Однажды я в бочке обнаружил студенистую массу. Ага, смекаю, грибок! Дай-ка я, дружище, заставлю тебя работать. И стал потихоньку подкармливать его сахаром. Выросла моя доморощенная «медуза», теперь треть бочонка занимает. И исправно выдает в день ведро замечательного здорового напитка. Да и как не быть напитку здоровым, если против гриба нет врагов, если он неуязвим и всепобеждающ, не подвержен заболеваниям. Двадцать лет живет в бочке – и хоть бы что. Пью биоколу каждый день – и не приедается. Зубы не чищу, а грибным раствором полощу, – держатся зубы и желудок в полном порядке. Кролики тоже это питье оценили – за уши от биоколы не оттянешь. Мне же это только на руку: КОГДА У ЖИВОТНОГО НА ЯЗЫКЕ ОЩУЩЕНИЕ СЛАДОСТИ, ОНО ХОРОШО НАБИРАЕТ ВЕС.

Но, пожалуй, дед Кирилл не был бы самим собой, если бы и по поводу биоколы не сделал далеко идущего вывода.

– ЧЕМ НА ПЕПСИ ТРАТИТЬСЯ, – сказал он, – лучше выпуск биоколы наладить. Выращивать грибочки до диаметров цистерн и снабжать дешевым лечебным напитком население. Разнообразить вкусовые добавки – сиропы, варенья и т.д. По крайней мере пытаться конкурировать хотя бы с этим видом импорта.

А что, вполне резонно. Я – за биоколу.

И – вместо эпилога – притча о жажде духовной

Биоколой запивал жареную картошку. Как было не похвалить умело приготовленное блюдо? Сказал:

– И картошка у вас выросла отменная!

Дед Кирилл прыснул:

– Ну, тут ты не угадал! Картошку я и правда раньше сажал, когда пробовал извести колорадского жука. Но потерпел фиаско и перестал.

Выращивать картошку ради уничтожения вредителя... Каково?! Вы бы решились на такое безумство?

– Так я ведь ненормальный, – верно истолковал мое недоумение седобордый экспериментатор. – Между нами и здравомыслящими людьми идет вечная война. А не будь нас, наделенных сумасшедшинкой, не будь спора, жизнь сделалась бы вялой, монотонной, без всплесков и озарений.

Знаете, в чем главное отличие враждующих сторон? Здравомыслящие в первую голову пекутся о собственном благе, безумцы – о благе для всех, в том числе и для здравомыслящих. Спрашивается, к чему Шпаку до копейки расхотеть скромную пенсию на непредсказуемые эксперименты? Да к тому, что смысл своей жизни он видит именно в экспериментаторстве, а, скажем, не в накопительстве, к тому, что экономить он не научится никогда, а других – научит, к тому, что он изо всего стремится извлекать не выгоду, а пользу.

Высшее благо для деда Кирилла – когда его понимают. Кажется, потеплело. На него обратили внимание. В его доме несколько раз бывал руководитель области, знакомы с ним, в курсе его разработок крупные хозяйственники.

– Хотя бы телефон, пользуясь случаем, выпросил, – укоризненно качает головой Зоя Федоровна.

Он отмахивается обеими руками:

– Я с такими мелочами обращаться не буду!

Годами обивающие пороги АТС, для вас телефон – мелочь?

Для него – не более чем безделушка. Ну нет – и не надо. И прочие бытовые дразги волнуют чудака в той же степени.

Кто же он? Отринувший бранные заботы ученый? Явившийся из волшебной сказки Айболит? Практичный и смекалистый хозяин? Одержимый оди-

ночка, сылящийся «объять необъятное»? Или же несущий людям неистребимый огонь Прометея безумец – собрат по духу воспетых Беранже героев и мыслителей?

Пожалуй, дед Кирилл вобрал и эти, и немало других завидных качеств. И при том остался неутолимо жаждущим странником, которому суждено изведать множество дорог и не познать чувства пресыщения.

АНДРЕЕВСКИЙ «ТЯЖЕЛОВОЗ»

Выдающиеся достижения этого человека вполне достойны книги Гиннеса, но трудовые рекорды туда, кажется, не заносятся. Да и кому было хлопотать, если завистники явно преобладали... Его трижды выдвигали на Героя, но, судя по всему, путь к высокому званию преграждала пресловутая пятая графа. Советская власть в отношении стахановца восьмидесятих явно поспешила на славу, отделавшись Трудовой Славой третьей степени и Госпремией за достижения в области науки и техники без... премии. Падкая на сенсации, почины, победную цифирь пресса, и та не больно жаловала, организуя «летучие» рейды, в том числе и с применением авиации, засады и посты, то есть зачистую ведя форменную слежку.

А он, сжав в кулаки свою железную волю, знай, шел твердым курсом, с неизменным постоянством опровергая избитую истину, что один в поле не воин, заменяя на хлебном поле целую роту солдат. Нынче Владимиру Абермиту – 45. Пора житейской зрелости, расцвета сил, пик самореализации. И он пришел к этому рубежу полным энергии, замыслов и смелых устремлений. В прошлом ас-тракторист, вожатый самых длинных в стране и, надо полагать, в мире хлебных автокараванов, теперь он ведет целое хозяйство – ТОО «Нива» – к лучшей жизни. И уже по всему видно: новые масштабы, задачи иного уровня человеку-кремню по плечу. Он и в директорской должности не растерялся, быстро став хозяином положения и задав товариществу, как некогда могучему «Кировцу», твердый столбовой курс.

Один в поле воин

Так уж сложилось, что вся его страдная «трасса» – сплошной путь преодоления. Расстояний и настроений, косности и зависти, глупости и бесхозяйственности.

На трактор Абермит сел в 75-м году. «Прервался» на армию – и снова пошли тонны и гектары выработки. А «спину» к своему К-700 начал наращивать из соображений прагматизма и экономии горючего, ведь за сеном приходилось отмахивать аж 250 километров. 250 – туда, 250 – обратно. Накладно казалось ему гонять налегке столько «лошадей». Стал добавлять по тележке. Получалось. И вскоре перевозил за рейс до 50 тонн. Как-то обмолвился Володя, вернее – уже Владимир Фридрихович (он в молодежном возрасте был избран депутатом облсовета. – *Авт.*), первому секретарю, а тогда Шортандинским районом руководил Владимир Карлович Гартман, что при наличии подходящих тележек мог бы испытать свой метод на вывозке зерна с полей. Гартман об этом разговоре не забыл – дал команду, и кузова для энтузиаста нашли.

– Сначала у меня было три сцеха по две тележки, – вспоминает Абермит. – «Лавировал» с ними между десятью комбайнами. При небольшой урожайности поспевал. А когда на круг выходило 12-15 центнеров, возникали проблемы. Добавил к каждому сцепу по тележке – пошло-поехало.

Между тем судьба готовила очередное испытание – урожайность в двадцать с лишним центнеров. Зная о большом хлебе, Владимир готовился к нему

загодя. Сформировал два автопоезда по четыре тележки. Когда понял, что не угонится за тридцаткой (!) комбайнов, добавил еще по прицепу. Один пятитележный сцеп оставлял на поле, с другим спешил на ток. Возвращался – «коробушки» были полны. Так, без сцепщика и вообще чьей-либо помощи, сам на сам доставил на ток 27 тысяч тонн зерна!

А если требовалось везти урожай с тока на элеватор, цеплял к «Кировцу» оба автопоезда, или десять бортов, беря до двухсот тонн груза. То есть бил рекорды производительности как в «многоборье», так и в отдельных «движениях».

– Но то был богатый на урожай год, – делает оговорку Владимир Фридрихович, – а так у меня обычно за жатву выходило 15-17 тысяч тонн.

Любопытствую:

– Какую в целом экономию давало ваше новаторство?

– Было дело, ученые, с помощью всевозможных выкладок, подсчитали, что я заменял на вывозке урожая роту солдат-автомобилистов. В принципе, сходится. Каждый год в совхоз прибывало на подмогу 50-60 военных машин. ГАЗ-66 берет две тонны. Помножьте количество машин на 2 – как раз получится загрузка автопоезда из пяти телег.

Но его сноровка и трудовая натренированность были столь феноменальны, что целая рота не могла тягаться с «бойцом-одиночкой» (вот о таких суперменах снимать бы «крутые» сюжеты, только это были бы не боевики, а, по аналогии, скажем так: «трудовики». – *Авт.*). Солдаты вывозили с полей за сезон 10-12 тысяч тонн, не больше, а он, по сути, – сколько надо. Например, возглавляемое Абермитом ТОО «Нива» собрало в прошлом году 21 тысячу тонн зерна. С таким объемом перевозок Абермит-тракторист вполне бы справился. Теперь такие соображения. Солдат надо как следует кормить – раз, деньги начислять – два, машины заправлять – три... И этот затратный перечень можно продолжать и продолжать. Однако и без математических операций ясно, что супермеханизатор вкупе с его «железным конем» обходился многократно дешевле. К тому же, как выяснилось, совхоз еще и на зарплате рекордсмена экономил, закрывая ему ровно такую сумму, какая причиталась ведущему комбайнеру бригады. Вот вам классическая иллюстрация уравниловки: мастер перевозок справлялся за десятки человек, но не мог «перепрыгнуть» заработок одного, пусть и лучшего в бригаде комбайнера, точно эта механизаторская специальность причислялась к некоей «высшей касте» сельских профессий. Не признавала суровая социалистическая бухгалтерия никаких финансовых «сцепов» в оплате труда. Каждый пожинал свое «согласно штатному расписанию».

Впрочем, на материальную сторону дела Владимир тогда особого внимания не обращал – он весь был в творческом поиске, экспериментировал, применял все новые и новые варианты и сочетания, причем по различным грузам, выжимал из своего оранжевого исполина и подвижного состава КПД даже не по гамбургскому – по абермитовскому счету. Как истинный профи, день ото дня и собственную технику оттачивал. Вождения. «Ориентирования на местности», то есть выбора точки для стоянки автопоезда. Разгрузки на току и элеваторе... В результате добился того, что бригаду из тридцати зерноуборочных машин при «плече» поле-ток до 30 километров обслуживал без малейших сбоев.

Что удивительно, о популярных тогда порционном и комбитрейлерном способах вывозки урожая, тоже основанных на возможностях мощного тягача и обороте прицепов, Абермит сначала ничего не слышал и сам доискивался до рациума. Потом, правда, на семинарах и при личных контактах ученые стали его просвещать, как грамотно расставлять кузова и выстраивать маневры. Но все эти «зигзаги» были не для него. К чему «делить» поле,

таская по нему прицепы и тем лишний раз травмируя почву, когда можно, проследовав один раз за комбайном, определить, в зависимости от наполняемости бункера, в каком перекрестье между стандартными четырехгектарными клетками установить весь сцеп. Пусть при разгрузке у механизатора одного-двух «мешков» зерна не хватает, пусть даже двух центнеров, – в ходе жатвы нивелируется. Но не по половинке же бункера выгружать комбайнерам-«тысячникам» (механизаторы, намолачивающие за жатву более тысячи тонн зерна. – *Авт.*), каковых в бригаде было преобладающее большинство!. Такого рода психологические факторы комбитрейлер явно не учитывал, а Абермита брал их во внимание. И успешно превосходил на практике самые убедительные, сконструированные по строгим правилам логистики схемы.

Например, абсолютным достижением комбитрейлера явилась «опека» двумя тягачами восемнадцати комбайнов. Об этом факте мне с гордостью рассказывал «отец» научной методы Сергей Григорьевич Плохов. И ученому было чем гордиться: его разработки по использованию транспорта на жатве при массовом применении сулили колоссальную экономию сил и средств. А мастер-самоучка, получается, пошел еще дальше: наработанные им практические навыки и рекомендации позволили повсеместно в районе зерноуборочные бригады обслуживать парой-тройкой «Кировцев». Сейчас подумалось: вот бы в то время усилия двух настырных и в одном направлении искавших человек соединить... Да, увы, вряд ли бы это получилось. Почему не «пошел» комбитрейлер, наивному доктору наук Плохову однажды четко объяснили в компетентных органах: видя, как можно обходиться малым, Центр наверняка урежет фонды, и доселе хорошо дотируемое село станет меньше получать автомобилей, горючего и всего прочего, вытекающего из плоховской «экономии».

Абермита же поедом ел свой брат тракторист. Случалось, и баллоны резали. Да что там баллоны! Как-то на току перед разгрузкой невзначай обнаружил, что нет штырей, отсутствие которых могло привести к опрокидыванию сцепа. Пришлось применить сварку, сделать разгрузку «однобокой». Зато отныне за эту сложную операцию был спокоен.

Но гораздо больше возмущала и ранила несправедливая молва. В родном совхозе «Андреевский», где все пять полеводческих бригад обслуживались К-700, коллеги-механизаторы вроде бы помалкивали, в районе при Гартмане, который Абермита поддерживал, – тоже, но стоило ему появиться где-нибудь на совещании областного уровня, как начинались нападки и придирки. На всю жизнь запомнил Владимир Фридрихович обиду, нанесенную ему на одном из семинаров по обмену опытом завсегдаем такого рода форумов. Поблескивая узкоугольной Звездой Героя, механизатор-«трибун» буквально в спину только что уехавшему Абермиту заявил, что тот шарлатан, что махина «Кировец» с прицепами на трассе не развернется и что он, признанный страной и государством передовик, сейчас это докажет. Не поленился – «оседлал» оказавшийся под рукой К-700, запыллил на дорогу. И «доказал» легковой прессы, что данный маневр на узкой площадке «невозможен», безрезультатно «поревев» двигателем и едва не перевернувшись.

Пресса же, в ту пору хотя и сплошь партийная, однако до сенсаций охочая, ничтоже сумняшея всеми калибрами обрушилась на Абермита. Журналисты на фоне коллективистского бригадного подряда индивидуалиста из Андреевки и раньше недолюбливали. Некоторые, наслушавшись циничных скептиков или хмурых завистников, искали на полях его бригады «по-таенный» второй трактор, будто бы добавляющий Абермиту выработки. На какие только ухищрения не пускались! Дежурили в «засадах», инициировали рейдовые проверки, в сговоре с малой авиацией совершали разведоблеты. И все впустую.

Более ушлые «морально» продергивали, выводя анонимные образы сквалыги-филистера. Объективности ради замечу, что не только в нашего героя направлялись эти «стрелы». Как-то я наткнулся на опус, адресованный не «по-товарищески» настроенным водителям КраЗов-стотонников, так в нем использовалось смачное, как плевков, словечко «сорокохваты». «Оловянных солдатиков строим по шнурочку равняемся мы...» – такой трудовой порядок многих, по-видимому, больше устраивал. А этот двужильный, несгибаемый немец ну никак не вписывался в привычные колодки. Уже чуть ли не Богом возомнил себя на тракторе, «велосипедными» маневрами на К-700 бахвалится! Это, с чужой подачи внушенное восприятие «зацепило» пишущую братию – пошел очередной накат.

– Да ведь никогда в грудь себя не бил! – в душе его до сих пор клокочут отголоски негодования. – Крутился, как белка в колесе. В жатву за день до тысячи тонн перевозил. Сенокос – постоянно в рейсах, можно сказать, становился трактористом-«дальнобойщиком». Осенью щебенку возил, по 120 тонн за раз. И навозом, когда надо было, занимался, никакой работы не чурался, всегда был занят и я, и мой трактор, он и теперь еще пашет дай боже! Ну некогда мне было саморекламой заниматься, не того я склада человек.

Однако допекли. Дошло до того, что на очередное совещание, благо, проводившееся неподалеку, в Шортандах, районное начальство велело ехать на «Кировце» и при всех бортах, дабы продемонстрировать знаменитый разворот и пресечь пересуды и кривотолки.

Бурчал, негодовал: «Последний год работаю на тракторе». Но разворот Абермита был уже делом престижа не только для него.

...И вот, догromыхав до НИИ зернового хозяйства, огромный «Кировец», не сбавляя скорости, заезжает со всем своим колесным составом на ограниченную припаркованными в ряд машинами директоров и секретарей площадку... Немой ужас читает «испытываемый» на лицах шоферов: затряслись за вверенные авто, представили вероятную реакцию своих боссов... При тормаживает Владимир Фридрихович перед самым бюстом академика Бараева. И начинается самое страшное для толпы зевак – разворот. Напряжение нарастает, ведь занос у эдакой махины может быть нешуточный. Скрежет креплений – ну чем не кульминация зрелища? – ход сцепа вперед (неужели не впишется в дугу?). И, наконец, после тягучих секунд гробовой тишины – дружный вздох облегчения. Нет, не все, «кругом почета» Абермит не ограничивается – тут же направляет свой «караван» к автостраде. Там повторяет маневр на ленте асфальта и выключает двигатель.

...А начальство всей этой «джигитовки» не видело – находилось на опытных полях. Но вскоре автобус с партхозноменклатурой вернулся, и отошедшие от шока водители принялись наперебой докладывать шефам, что на их глазах сотворил Абермит:

- У него трактор на месте крутится!
 - Он не только на трассе, он у памятника развернулся!
- Возглавлявший область Андрей Георгиевич Браун не выдержал, попросил:
- Володя, покажи, пожалуйста, еще раз.
 - Ладно, – согласился триумфатор, – только делаю это в последний раз.
 - Что так, на пенсию собрался? – процедил с ехидцей тот самый тракторист, который ославил аса на всю страну.

Еще о том знаменательном дне своей жизни вспоминает, что, получив приглашение руководителя области на обед, смог лишь стакан сока выпить, тут же извинился и ретировался, так был взбудоражен, наэлектризован, горло до спазмов перехлестывали нахлынувшие чувства и эмоции.

– И как вам это удавалось? Теперь-то, наверное, тайны уже нет?

– Я и тогда никакой тайны не делал, – отвечает Владимир Фридрихович. – Просто люди не всегда умеют или хотят слушать. А выполняется это так. Отключаешь перед маневром задний мост трактора, при повороте шлица выходит, он как бы юзом проворачивается, и... вперед – пошел в обратном направлении. Я замерял – девяти метров ширины вполне хватает. Так что на току опытный механизатор развернется без проблем. Что и требовалось доказать тому Фоме неверующему и ему подобным пустозвонам.

Не то чтобы извиняясь за «братьев по цеху», но в какой-то мере рассчитывая на частичную их «реабилитацию», спрашиваю:

– После публичного урока, что прошел под овалции областного начальства, отношение прессы к вам изменилось?

– Коренным образом. Я уже, было, через сезон работу на тракторе оставил, а еще года два звучало: «метод Абермита», «Владимир Абермит и его последователи».

Продолжаю «пытать» на не очень приятную для него тему:

– Но при этом последователей все же было негусто?

– Быть-то были. Владимир Шаля, механизаторы нашего хозяйства. Но, честно говоря, немного. – Задумался: – Другие были времена, государство в няньках ходило, любые дыры латало, из любых пучин вытаскивало, поэтому и не было у большинства привычки экономить и выкладываться на работе. А теперь у нас – рынок, сам хозяин отвечай за свои дела, сам себя обеспечивай и контролируй. Хочешь – двадцать грузовиков по клеткам гоняй, хочешь – один К-700 по межполевым дорогам. – И, победно улыбаясь, ставит на теме точку: – В нашем товариществе «погоду» на поле по-прежнему делают «Кировцы». И с токов на элеватор возят. Так гораздо выгодней. Да и, сами понимаете, прикипел я к этой машине.

Верность отчету дому

Подводя разговор к новой теме – директорства, не удерживаюсь от образного сравнения:

– И вот «тягачом» стали вы – «вытаскиваете» из бедности и разрухи родное село...

Поверьте, в этой гиперболе нет и доли натяжки: за три с половиной года, что Абермит у руля «Нивы» (до того был заместителем директора по хозяйству. – *Авт.*), перемены в Андреевке произошли разительные. Хотя хозяйство-банкрот, в прямом смысле прозябавшее во мраке, казалось, было лишено какой-либо перспективы...

– Если бы не решение компании «Агроцентр-Астана» взять ТОО под свое управление, – настаивает Владимир Фридрихович.

Но и инвестору, надо признать, с партнером, которого рекомендовал на руководство аким района Кабидулла Ахмедьянов, повезло: по итогам прошлого года возглавляемое Абермитом товарищество добилось самой большой прибыли (114 миллионов тенге) среди агроформирований холдинга, коих без малого тридцать.

Прежде всего сказалась четко отлаженная работа в полеводстве, неукоснительное, до педантизма, соблюдение требований и норм агротехнологии. Параллельно шло восстановление выведенной из оборота пашни. Кстати говоря, распашки дополнительных земель контракт не требует, но в итоге зерновой клин увеличен на четверть и теперь составляет почти 17 тысяч гектаров. Все это так, товарный хлеб, образцово-семенных кондиций зерно – главное достояние Андреевки. Но спросил, с чего он начинал преобразования, и ответ собеседника неожиданно для меня распространился отнюдь не на производственную сферу:

– Дом культуры привели в порядок, там и в школе дизельные печи установили, чтобы было гарантированное тепло. О других важных объектах тоже не забыли. В целом прошлой зимой выдержали температурный режим в 22-24 градуса. Кафе построили на 240 мест сметной стоимостью 16 миллионов. Для того же ДК на миллион музыкальную аппаратуру закупили. «Застолбили» в бюджете пять миллионов на ремонт водопровода, он у нас продолжительный: скважины – в 17 километрах от села, зимой часто выходит из строя. Еще миллион расходуем на обеды школьников. Да не абы какие: два вторых, два третьих – выбирай, пара пирожков. Амбулаторию, как надо, поддерживаем, баня у нас есть, пожарное депо, детский сад ремонтируем, думаем скоро его «заселять»...

Когда же директор заявил, что ближайшая задача – запустить до конца посевной... канатную дорогу, – а встреча наша происходила в разгар кампании («касемь-сотчики» по две смены не глушили двигатели. – *Авт.*), – я довольно присвистнул. А про себя подумал: как ни крути, а это «изыск» с отливом маниловщины. Хотя, как сказать... Для городских дитятей фуникулеры и захватывающие аттракционы давно не в диковинку, а вот до села они почему-то и к 21-му веку не «добрались». И пусть абермитовская «канатка» несет в большей мере пропагандистскую нагрузку (это ведь одиночное и довольно простое сооружение, не комплекс типа Луна-парка), все же она нужна. Вслушайтесь в один из монологов, ненароком произнесенных Владимиром Фридриховичем в ходе нашего общения, – поймете, за чем.

– Я видел бегство людей, в большинстве – моих хороших, добрых знакомых. Они оставляли отчие дома от чувства безысходности. Ведь ни работы не стало, ни нормального быта. Жили в селе две тысячи человек, осталось – тысяча сто.

А как хотите? Месяцами сидеть без света, порой и без воды, и при этом внушать себе: вот такая же будущность ожидает и твоих детей?.. Назначили директором – тут же с ужасом осознал, что и социальное самочувствие, а по большому счету – и благополучие земляков теперь во многом зависят от меня, от моей рассудительности и компетентности. Поэтому решил раз и навсегда: никогда и ни в чем не пороть горячки, всякий раз стараться представить себя на месте того человека, который обращается с просьбой, нуждается в помощи.

Первые дни ломал голову, как же в их души хоть лучик надежды заронить. Поупорствовал и добился, что в новогодний праздник в домах горел свет. Радость была неопишуемая! Кое-кто из сидевших «на чемоданах» от такой-то малости решил повременить с отъездом. И как бы я посмел обмануть их ожидания? Без чего у семьи не может быть «человеческой» жизни? Без электричества, без тепла, без воды. А также без школы – без школы у детей нет будущего. Без клуба – клуб на селе исконно центр общения. Без медицины... Если всего этого нет и не предвидится – ничем, никакими распрекрасными посулами человека не удержишь. А пренебрегать и такими нормами – все равно что пребывать в состоянии дикости.

Инвестор выделяет товариществу определенный бюджет, задача директора – рационально его использовать. Вот я и направляю часть средств не на сиюминутные экономические выгоды, а в социальную сферу. Без этого у села не может быть полноценной, содержательной жизни и реальных перспектив. Если как следует взяться, всего добьешься. Решили же таки проблему с энергоснабжением – канули в прошлое «постирушки» в МТМ, люди каждый вечер смотрят мексиканские сериалы, от которых надолго были отлучены, слушают музыку. За кафе некоторые односельчане меня критиковали, дескать, не на то деньги расходуешь. А теперь не нарадуются. Все праздники, свадьбы, юбилеи в нем проводим, жизнь села здесь кипит!

Ну а ФАП, пара пожарных машин, – это уже, получается, не только для Андреевки. Случись у соседей беда – естественно, отказа не будет. Да и «канат-

ка» разве детишек из окрестных деревень не привлечет? Прослышат люди про это чудо, приедут и увидят, какие у андреевцев прибранные улицы, аккуратные, ухоженные огороды, опрятные дома, – ахнут. Откуда им знать, что по части чистоты и порядка у директора пунктик, что безалаберным и ленивым покоя от него нет, что неряхе, не прибирающему у себя во дворе, дорога в товарищество закрыта. Днем они могут понаблюдать, как селяне, занятые на общественных работах, метут вдоль оград, обрезают, ровняют торчащие из-за них ветки, а вечером – как водовоз поливает асфальт. Опять же для чистоты и чтобы прогуливающимся легче дышалось.

*... Молодость шальная
закружила голову мою.
Я уехал в город,
чтоб устроить там судьбу свою.
Фабрики, заводы... –
легкий путь я в жизни не искал.
Только о деревне
каждый вечер сильно я скучал.*

Такие ностальгические строки, а автор их – заведующий Домом культуры Виктор Ткаченко, далеко не о всякой деревне, не о многих селах сложатся. Притягательная сила и здоровая аура должна быть у местности – на пепелище, в разгромленное, раскуроченное прошлое ведь не потянет...

Немыми укорами поздновато, но твердо отставленному анархическому пути – пустые остовы животноводческих помещений: в восьмидесятые здесь базировалось крупнейшее в округе поголовье крупного рогатого скота.

А вот новь отрасли – огороженная километровым забором (вы, пожалуй, вряд ли где на постсоветском пространстве найдете обнесенный оградой животноводческий комплекс, не было такого ГОСТа. – *Авт.*) территория. На этом «островке» – присущие «Ниве» чистота и порядок.

– Все должно быть компактно: база, сеновал, сенажная яма, выкачка навоза. Есть забор – нет бродячего скота и праздношатающихся. И дисциплинирует. А ворота по-хорошему – открывать только для сдачи молока, – по-крестьянски детально обосновывает свое нововведение директор.

И, словно спохватываясь, вносит корректив:

– В дальнейшем, возможно, станем обходиться без молоковоза. После завершения строительства второй базы думаем осваивать пакетирование.

Заходим с экскурсией в коровник. Прямо-таки бросается в глаза белизна стен. Оказывается, директор обязал доярок раз в неделю устраивать на закрепленных участках побелку. Затем сам обратил мое внимание на отсутствие признака «социндустриализма» – вторых распашных ворот: никакого от них проку, только сквозняки. Указал на идеальную сухость настила. Система поения такова, что разбрызгивание воды исключено. Направляемся в галерею, что соединит действующий коровник со строящимся. Здесь размещены душевые и комнаты отдыха для персонала, царят уют и комфорт.

– У нас пока сто коров, – комментирует Владимир Фридрихович, – но это только начало, со временем доведем дойное стадо до трехсот голов.

И продолжает:

– Не развивая животноводство, какова бы ни была специализация хозяйства, село по-настоящему не поднимешь. Цикл должен быть полным, во всяком случае включать такие основополагающие отрасли, как полеводство, животноводство и кормопроизводство. В животноводстве, например, у нас занято тридцать человек. Это значит, что тридцать семей не терпят нужды.

Кроме того, молоко и мясо – наш своеобразный гарантийный фонд. Потому что есть твердая уверенность: даже в случае неурожая за счет них на протяжении года продержимся и обеспечим своих работников зарплатой. Другой плюс – масштабная заготовка кормов, которая благотворно сказывается и на содержании домашней животины. В прошлом году на каждый из 700 паев выдали бесплатно по тонне зерна и сена. Кроме того, давали еще натуроплатой, продавали по низкой цене. Подворья в Андреевке крепкие, в среднем каждая семья держит двух-трех коров, 10-15 свиней, кур, уток, гусей. Молоко? Нет, закупом молока у населения товарищество не занимается, этот рынок ранее был освоен вездесущим «ФудМастером». Но другие услуги практикуются. К примеру, на совести хозяйства обеспечение летнего полива приусадебных участков. А такой вид сервиса, как тракторная вспашка огородов, мне довелось наблюдать в исполнении лучшего механизатора района Виктора Колодия. В уборочную он на комбайне – за сезон стабильно намолачивает две тысячи тонн, летом – на бульдозере, весной – на лушильнике. Как видно, универсала хватает еще и на частный сектор, ко «второму хлебу» он имеет тоже самое непосредственное отношение.

– А лошадей посмотреть не желаете? – предлагает хозяин.

Как же нет?!

– Лошади – моя слабость, – делится в дороге Владимир Фридрихович. – У родителей никогда их не было, так я мальчишкой постоянно пропадал на совхозной конюшне. Да и сейчас, откуда бы ни вернулся, хоть ночь-полночь, – спешу к ним. Полюбоваться их грацией, движениями. Поверьте, эти удивительные животные лучше любых экстрасенсов усталость и стрессы снимают.

По пути заезжаем на ток. Их в «Ниве» – два. А в «Андреевском», то есть в советские времена, не было ни одного, из-за чего Абермиту приходилось проделывать со своими сцепами путь в 20-30 километров до ближайшего ХПП.

– Есть порода людей, которые любят убеждать, что раньше все не в пример лучше было, – усмехается наш добровольный гид. – Так вот, смею возразить. Если раньше на строительство тока два года уходило, то мы два тока за один год осилили. В шесть миллионов они нам обошлись.

Удивляюсь:

– Недорого.

– На железе сэкономили, – показывает в сторону бункеров и весовой. – Вывезли все это хозяйство из Карагандинской области. За 35 тонн ячменя.

– И кафе за год построили, – приводит очередной аргумент Владимир Фридрихович. – И много чего капитально отремонтировали. Для того и стройбригаду держим.

Соглашается, что сельскохозяйственная техника чересчур дорога, многим хозяйствам не по карману. Но «Ниве» в этом отношении повезло: управляющая компания, предусмотрительно инвестируя производство, только в прошлом году приобрела для ТОО 10 новых «Донов», 2 «Енисея» и 8 тракторов Т-4.

...За разговорами подъезжаем к конюшням, где содержатся 130 лошадей и 17 собак-стражниц – преимущественно свирепого вида алабаи и кавказские овчарки. На ночь волкодавов спускают с цепей – и горе безрассудному барымтачу, коли вдруг сюда заявится.

Лошади в хозяйстве в основном мясного направления. Но и владимирского тяжеловоза, приобретенного «для коллекции» и на племя, узрел. Екнуло: вот так же, как этот неутомимый четвероногий силач, и Абермит везет по жизни воз не только своих, но и чужих проблем. Андреевский «тяжеловоз», право слово! А главная гордость директора – «спортсмены»-рысаки. Выводят четы-

режоговалого Тюльпана. Буйствует, волнуется, мехами ходит грудь, ртутью перекачиваются бугристые мышцы. Завидев другого жеребца, начинает ярить-ся. Кажется, сейчас «закипит» и из пыхающих ноздрей повалит дым...

– Тюльпан – молодец! – хвалит «орловца» старший конюх, неохватный, богатырской фактуры человек Саша Корнатовский. – В прошлом году на «области», когда праздновали двухсотлетие Кенесары, четыре забега из шести выиграл.

А трехлетку Гасконца русской рысистой породы запрягают в «качалку», какое-то время разогревают гоном, направляют к автотрассе, «выпрямляют» по обочине... И он «режет ножницами» с заданной скоростью (может и под шестьдесят рысить. – *Авт.*).

Вы, наверное, уже убедились: жизнь Андреевки, ведомой крепким, умелым хозяином, возрождается. Начало ее истории связано со зловецким сталинским «архипелагом» – сюда, на 19-ю «точку», ссылали депортированных: родителей, бабушек и дедушек нынешних односельчан. И именно здесь, а не в родной Донецкой области, встретились родители Владимира Абермита, и здесь обрели они вечный покой. Стало быть, это судьба, считает он. А посему никуда, ни в какие «обетованные» дали устремляться не намерен. Андреевка – его крест и вера.

– Да, мы еще плохо живем, – точно соглашаясь с неким незримым оппонентом, говорит Владимир Фридрихович. – А в сравнении с кем-то – даже очень плохо. Но, поверьте, я немало поездил и убедился: наше житье – далеко не самое худшее. И главное – есть уверенность, что впереди нас ждет еще более сытая и счастливая жизнь.

Директор ввел в штат новую должность и принял на работу садовода. Людмила Корнатовская, кстати, состоящая в близком родстве с конюхом Сашей, занимается сейчас разбивкой клумб и посадкой цветов. За этой работой ее и застали.

По поводу журналистского интереса к «экзотической» для здешних мест профессии «правая рука» Владимира Фридриховича – замдиректора по производству, а в достославные времена – «тысячник» из загружавшей кузова Абермита бригады Василий Иванович Ганжа находчиво пошутил:

– Что значит везенье! Второй день работает, а уже попала в прессу!

К сожалению, всех за один раз «поместить» в очерк невозможно. О Людмиле же мы рассказали для того, чтобы с еще большим вдохновением и рвением выполняла доверенную ей важную и тонкую работу по украшению села, а значит – и самой жизни. Время для этого настало самое подходящее. Не зря же Виктор Ткаченко в своей «Деревне», ставшей в Андреевке шлягером, поет:

*Теплый запах хлеба,
нежные, душистые цветы.
Милая деревня,
нет прекрасней в мире чистоты!*

